

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составители шеститомного собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая особо подчеркивают, что в процессе подготовки издания наиболее сложная проблема состояла в поиске единого принципа деления материалов, включающих дневники путешествий, письма, научные статьи, конспекты лекций, рукописи, рисунки, коллекции предметов, газетные отчеты и другие документальные свидетельства весьма разнообразной деятельности ученого¹.

В качестве решения был принят «принцип жанрово-предметного расположения материалов» [Миклухо-Маклай I: 18]. Предложенный подход обрел окончательную форму в оглавлении томов: «Дневники, путевые заметки, отчеты», «Статьи и материалы по антропологии, этнографии и естественным наукам», «Письма, документы и материалы», «Этнографические коллекции и рисунки». Правда, редколлегия вынуждена была сделать одну существенную оговорку в отношении «небесспорности некоторых отнесений текстов к соответствующим томам», поскольку очень трудно провести четкую грань, например, между отдельными «жанрами», дневниковыми записями, личными письмами и научными отчетами [Там же]. Впечатление спорности классификации усиливается при ознакомлении с тем, что составители называют «своей для каждого тома организацией внутри», вопреки уверениям, что, несмотря на отмеченные трудности, «принятая структура издания позволяет сравнительно четко упорядочить сложный, пестрый по составу и тематике материал и представить научное наследие Миклухо-Маклая в систематизированном виде» [Там же: 19].

Существующая научная литература о Миклухо-Маклае обладает, по сути, структурой мифа, а главная особенность мифологической системы в широком смысле слова заключается именно в том, что ее пространство «прерывно» или, лучше, выглядит как прерыв-

¹ Разнородность наследия Миклухо-Маклая сама по себе является нарушением принципа деления. В этом смысле поставленная задача вообще не имеет решения.

ное. В терминах М.И. Стеблин-Каменского, наше знание о Миклухо-Маклае составлено из множества конкретных кусков, отдельных локусов в виде дневников, писем, лекций или статей, которые очень слабо сориентированы относительно друг друга.

Не отрицая результатов работы, которая была проведена коллективом ученых при подготовке шеститомного собрания, нельзя не заметить, что даже с узко «текстологической» точки зрения издание архивных материалов, эпистолярного наследия, музейных коллекций и т.п. подчиняется заметно различающимся, в том числе и формальным, требованиям. В таких условиях для того, чтобы создать нечто единое, необходимо было бы пожертвовать довольно многими, с точки зрения конкретных исследований, безусловно, важными аспектами. На этом фоне пятитомное собрание сочинений 1950–1952 гг. выглядит гораздо более целостным. Вообще подобрать единую схему расположения столь разнородных по свойствам материалов невозможно без определенного принципа отбора, что, конечно, противоречит основному замыслу рассматриваемого издания, а именно: введению в научный оборот максимального числа документов, связанных с жизнью и деятельностью Миклухо-Маклая. В таких случаях надо четко осознавать, что является целью — собрание *сочинений* или собрание *источников*. Термин «собрание сочинений» предполагает, что мы имеем дело с неким памятником истории науки, что несовместимо с понятием внутренней критики источников. Даже печатные работы Миклухо-Маклая в рамках темы изучения его научного наследия являются источниками, и именно с этой точки зрения к ним и следует относиться.

Помимо прочего, необычайно сложная система сносок, примечаний и комментариев, по сути, предвосхищающая, но не переходящая в стадию исследования, превращает рассматриваемое издание в некий лабиринт, не столько облегчая, сколько затрудняя работу. В связи с этим можно отметить и явную неравномерность усилий, затраченных на публикацию отдельных видов материалов. Речь идет прежде всего о рисунках и этнографических коллекциях. Относительно рисунков составители фактически прямо заявляют, что на тот момент в их планы не входило ничего, кроме ознакомления читателей с графическим наследием Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай VI: 346]. Как известно, недостаточная исследованность вопроса обычно компенсируется «спрямлениями». Так, до сих пор подавляющее большинство авторов, обращавшихся к этой теме,

считали необходимым характеризовать Миклухо-Маклая как «искусного рисовальщика» [Там же: 344]. Весьма примечательно, что на экземпляре издания 1923 г., хранящемся в библиотеке МАЭ РАН, в том месте, где Д.Н. Анучин пишет, что Миклухо-Маклай был «посредственным рисовальщиком», имеется пометка: слова Анучина подчеркнуты, а на полях поставлен знак вопроса [Анучин 1923: 12]. Кем-то выраженное удивление простительно для человека, не знающего, как правильно держать карандаш. В данном случае парадокс заключается в том, что именно недостаток профессиональных навыков в рисовании делает рисунки Миклухо-Маклая ценными этнографическими источниками. Он прорисовывал те детали, которые профессиональный рисовальщик прорисовывать никогда не станет, жертвуя деталями ради целого образа. Конечно, сказанное не означает, что у Миклухо-Маклая вообще не было художественного таланта. Так «набить» руку в рисовании может далеко не каждый.

Что же касается «Каталога этнографических коллекций» Миклухо-Маклая, то эта часть собрания представляет собой по сути перерегистрацию кратких описей. Создание настоящего каталога этнографических коллекций Миклухо-Маклая остается делом будущего.

Несмотря на имеющиеся недостатки, шеститомное собрание можно и нужно использовать в качестве источника. Необходимо только учитывать, что данный источник является основой для изучения наследия Миклухо-Маклая в каждой отдельной области. Это означает, что акцент должен быть сделан на необходимости рассматривать шеститомное собрание как множество источников, каждый из которых заслуживает особого рассмотрения и особой публикации. Единицей изучения наследия Миклухо-Маклая является не «жанрово-предметное» объединение текстов, т.е. некая тема, а самостоятельный источник в виде коллекции рисунков, предметов, записной книги или научной статьи. Только в этом случае можно понять и оценить действительную величину его научного вклада. Главное противоречие Миклухо-Маклая, точнее многочисленных исследований о нем, состоит в том, что он до сих пор, в сущности, абсолютно неизвестен именно как ученый-профессионал.

В недавно вышедшей статье А.Я. Массов по-своему, как историк, возвращает нас к этой проблеме. В частности, он приходит к выводу, что в отечественной научной литературе до настоящего момента нет сколько-нибудь фундированных исследований о «есте-

ственно-научных воззрениях и общественно-политических представлениях» Миклухо-Маклая. Обращаясь непосредственно к изданиям, считающимся эталонными в области маклаеведения, А.Я. Массов формулирует свои выводы, на наш взгляд, более определенно. Он говорит, что в таких работах излагается прежде всего «научная биография» Миклухо-Маклая, цель изучения его «научного мировоззрения и философских взглядов», его «роли и места» в истории науки просто не ставится [Массов 2013: 116].

Данный сборник, по существу, выполняет функцию начала исследования этнографического наследия Миклухо-Маклая с точки зрения его теоретического (здесь коннотативного) значения. В рамках выполнения этой задачи требуется своего рода инвентаризация научных знаний того времени в отдельных областях, а также проведение множества конкретных исследований по истории отдельных видов документов, например коллекций рисунков, автографов на страницах книг из личной библиотеки Миклухо-Маклая. Это ценнейший вид источников, содержащих информацию о его научных взглядах. До сих пор совершенно игнорировался и такой вид источников, как письма, адресованные Миклухо-Маклаю. Отдельная тема — изучение этнографических фактов, которые связаны с тем обстоятельством, что образ самого Миклухо-Маклая в качестве мифологического персонажа стал частью традиционной культуры населения некоторых регионов Новой Гвинеи. Как можно будет убедиться при чтении настоящего сборника, во всех этих сферах остается еще очень широкое поле для новых открытий.

Предисловие, 1-й, 2-й и 3-й разделы написаны П.Л. Белковым, 4-й — Т.И. Шаскольской, 5-й — А.А. Лебедевой, 6-й — А.В. Тугорским, 7-й — А.А. Винецкой и А.В. Тугорским, приложения составлены Т.И. Шаскольской.